

ЛЕГЕНДАРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О РОДЕ ФАБИЕВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Без сомнения, род Фабиев является одним из самых известных и примечательных римских gentes. Его представители сыграли весьма существенную роль в истории Вечного Города, что, конечно же, не могло не отразиться и в исторической традиции. При этом следует отметить, что одним из наиболее любопытных и примечательных сюжетов в этой традиции, безусловно, является история о гибели трехсот шести Фабиев в битве на реке Кремера в 477 г. до н.э. Наиболее подробно она пересказывается у Тита Ливия (II.48–50), в «Римских древностях» Дионисия Галикарнасского (IX.14–22) и «Фастах» Овидия (II.195–242). Краткие упоминания об этих событиях мы также встречаем у Диодора Сицилийского (XI.53.6), Плутарха (Cam. 19), Силия Италика (VI.637), Феста и Павла Диакона (s.v. Scelerata porta).

Согласно рассматриваемому преданию, Риму довольно долго досаждали воины этрусского города Вейи, разорявшие римские поля и угонявшие стада. Как пишет Ливий, «... не было с вейянами ни войны, ни мира – действия их были чем-то вроде разбоя: завидев римские легионы, они прятались в город, а зная, что легионов нет, разоряли поля, как бы в насмешку оборачивая войну миром, а мир – войной» (II.48.5–6)¹. В подобной ситуации Фабиі явились в Сенат и предложили свои услуги по охране границ, после чего «под крики одобрения всех горожан» (*Dion. Hal. AR. IX.15.3*) выступили в поход и построили сторожевую крепость на реке Кремера, откуда сами стали тревожить владения этрусков, постоянно рыская по сельской округе противника и «собирая добычу». Так прошел примерно год. Когда вейянам все это надоело, они, выпустив под стены крепости многочисленные стада, выманили Фабиев наружу и, атаковав их превосходящими силами, уничтожили всех до единого.

По нашему мнению, в данной истории можно обнаружить немало моментов, указывающих на то, что она по сути своей, возможно, является сохранившимся в сочинениях античных авторов отголоском более ранней эпической традиции, которая как и у многих других народов, стоящих на стадии перехода от первобытности к раннему государству, в числе прочего, отражала деяния воинских юношеских сообществ инициационного характера.

В первую очередь в этом смысле обращает на себя внимание тактика, применявшаяся обеими противоборствующими сторонами. Как можно заметить, и этруски, и римляне в рассматриваемом случае осуществляют стремительные грабительские набеги на земли противника, в первую очередь связанные с захватом скота и разорением «сельской округи», точно так же, как это делали юноши, входившие в

¹ Здесь и далее II книга Тита Ливия цитируется в переводе Н.А. Поздняковой, V – в переводе С.А. Иванова; Дионисий Галикарнасский – в переводе Н.Г. Майоровой; «Фасты» Овидия – в переводе Ф.А. Петровского.

состав воинских братств у первобытных племен². Примечательно – Дионисий Галикарнасский прямо говорит о том, что со стороны вейян грабительские действия вела «легковооруженная молодежь» (AR. IX.14.7). Кроме того, этруски использовали против Фабиев воинскую хитрость, что также напоминает способы ведения боя у инициационных сообществ³. Что же касается самих Фабиев, то и Овидий (Fast. II.205; 223), и Дионисий (AR. IX.20.3) отмечают весьма существенную быстроту и «бодрость» их действий, что также наводит на мысль о легковооруженном и стремительном юношеском отряде.

Кроме того, Фабии в рассматриваемом рассказе проявляют еще одну черту, очень характерную для архаических сообществ инициационного характера, а именно – воинское неистовство⁴. Здесь мы должны обратиться к приведенному у древних авторов описанию последней битвы Фабиев с вейянами. Даже Ливий, рассказ которого об этой битве довольно короток и сух, отмечает «самонадеянность» стражей пограничной крепости и их «презрение к врагу» (II.50.5). Другие же авторы наделяют Фабиев практически всеми чертами «берсерков», охваченных воинским исступлением. Так, Овидий именует их «объятыми Марсом» и сравнивает с дикими животными – львами и кабанями, одновременно рассказывая о том, как они «что только видят, крушат, всякий отбросивши страх» (Fast. II.224). Столь же яркое описание безрассудной последней атаки окруженных врагом Фабиев приводит и Дионисий Галикарнасский: «...Римляне же ринулись на врагов, словно дикие звери, отнимали у них копья и разламывали их, хватали мечи за лезвия и вырывали из рук противника, сплетались с телами врагов и валились с ними на землю в мертвом захвате, борясь более мужеством, чем силой» (AR. IX.21.4). Далее автор «Римских древностей» также отмечает, что этруски завершили бой издалека – перебив римлян «градом стрел», поскольку устрашились не только их стойкости, но и *безумства*.

Подобное поведение хорошо укладывается вообще в рамки исторической традиции о роде Фабиев, представители которого в сочинениях древних авторов нередко показаны как люди, которые сначала делают, а затем думают, и нередко ассоциируются именно с воинским

² См. напр.: *Геннеп А. ван*, Обряды перехода. М., 1999. С. 106–107; *Элиаде М.* Тайные общества: Обряды инициации и посвящения. М.; СПб., 1999. С. 216–217.

³ *Dumézil G.* Horace et le Curiaces. P., 1942. P. 37; *idem.* Aspects de la fonction guerrière chez les Indo-Européens. P., 1956. P. 23; *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 144, 154.

⁴ *Frobenius L.* Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898. S. 126; *Schurtz H.* Alterklassen und Männerbünde. B., 1902. S. 97–98, 107; *Webster H.* Primitive secret societies. N.Y., 1908. P. 26, 185; *Андреев Ю.В.* Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4. С. 48; *Пропн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки // *Пропн В.Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. С. 181; *Элиаде М.* Тайные общества... С. 219–220.

безрассудством⁵. Так, например, согласно рассказу Ливия (V.36) во время нашествия галлов на Италию в 391 г. до н.э. сыновья Марка Фабия Амбуста, отправленные послами к врагу, осадившему город Клузий, в запальчивости спора забыли о своем статусе и нарушили священное «право народов», начав битву, в ходе которой Квинт Фабий даже убил галльского вождя (*Liv.* V.36.7). При этом историк отмечает, что сами послы были «буйными и похожими скорее на галлов, чем на римлян». Он же характеризует как «неосторожные и необдуманные» действия консула Квинта Фабия Амбуста в войне против тарквинийцев в 358 г. до н.э. (VII.15.9).

И еще один весьма любопытный момент. Согласно античной традиции, во время роковой битвы с вейянами на берегах Кремеры погибли все мужчины из рода Фабиев, за исключением одного человека – мальчика, еще не способного сражаться (*Liv.* II.50.11; *Dion. Hal. AR.* IX.22.1; *Ovid.* *Fast.* II.235–240). Впрочем, в правдивости подобного предания усомнились уже древние авторы – в частности, Дионисий Галикарнасский, который назвал его больше похожим на сказку или «по крайней мере, на вымыслы, свойственные театральным подмосткам» (*AR.* IX.22.3). При этом историк добавляет: «Ведь немислимо, чтобы все ушедшие охранять укрепление Фабии были бездетны и не женаты» (IX.22.2). Но из слов самого Дионисия ясно, что он пересказывает некое народное предание – «недостовверные сведения толпы», выражаясь его собственными словами. Если предположить, что рассказ о битве у Кремеры берет начало в преданиях о юношеских воинских братствах, то упоминание Дионисия о том, что все «Фабии», ушедшие охранять границу, могли быть бездетными и неженатыми, становится вполне правдоподобным – ведь пребывание посвящаемых юношей в «дикости» нередко продолжалось как раз до их вступления в брак⁶.

Еще один момент, который, скорее всего, указывает на эпические истоки рассматриваемой истории, это количество погибших Фабиев. Конечно, большинство древних авторов говорит, что их было триста шесть, однако у Плутарха и Диодора упоминается ровная цифра – триста воинов. Это число фигурирует в героических легендах многих народов древности и Средневековья и нередко увязывается именно с юношескими воинскими сообществами – в «Книге Судей» триста молодых воинов во главе с Гедеоном обращают в бегство мадианитян, триста бойцов-юношей нередко фигурируют на страницах «Витязя в тигровой шкуре», триста отборных воинов охраняют храм Святовита на острове Рюген, триста юношей-пастухов (или охотников) сопровождают легендарного основателя Молдавского княжества Драгоша. Не является исключением в рассматриваемом отношении и античная легендарно-историческая традиция – достаточно вспомнить триста спартанских «всадников» и триста лакедемонцев, защищавших Фер-

⁵ *Sabbatucci D.* La religione di Roma antica dal calendario festivo all'ordine cosmico. Milano, 1988. P. 54; *Wiseman T.* The God of the Lupercal // *JRS.* 1995. Vol. 85. P. 11.

⁶ *Геннеп А. ван,* Указ. соч. С. 84–85.

мопилы (у Сенеки Старшего они прямо названы юношами – *Suas.* 2), триста гетайров Александра Македонского, триста целеров Ромула (первый предводитель которых, кстати, согласно некоторым версиям, звался Фабием)⁷ или «триста лучших римских юношей», которые, по словам Муция Сцевола, поклялись преследовать Порсенну (*Liv.* II.12.15).

Далее, не стоит забывать и о связи Фабиев с празднеством Луперкалий, которое также демонстрирует немало «инициационных» элементов⁸. Что любопытно – согласно одной из версий предания о битве при Кремере, причиной гибели воинов упомянутого рода было то, что они покинули свою крепость «для совершения священных обрядов» в Риме (*Dion. Hal. AR.* IX.19.1). При этом Дионисий, пересказывающий это предание в своем сочинении, называет его «байкой», считая неправдоподобным то, «чтобы столь большое число мужей, несущих воинскую службу, ради принесения жертвы отправилось бы из лагеря в Рим без разрешения на то сената, поскольку священные обряды могли быть исполнены другими людьми, принадлежавшими к их роду, теми, кто уже достиг соответствующего возраста» (IX.19.3). Если же предположить, что рассматриваемая история относится ко временам, когда римского сената как такового еще не существовало, и повествует не о патрицианском роде Фабиев, а об инициационном воинском сообществе, члены которого должны были вернуться в «Город» для прохождения посвячительных обрядов, то все становится на свои места. Естественно, пройти посвящение никто, кроме самих юношей, не мог, а само их возвращение вовсе не требовало никаких санкций, ибо уже было «санкционировано» высшим законом.

Еще один примечательный момент, который свидетельствует в пользу нашей точки зрения – Овидий, пересказывая легенду о гибели трехсот Фабиев в своих «Фастах» (II.195), говорит о том, что описываемые события произошли 13 февраля, то есть, по сути дела, – в канун Луперкалий.

В связи с данным предположением нелишним будет упомянуть точку зрения целого ряда исследователей, согласно которой «Фабрианские луперки» совсем не обязательно являлись представителями рода Фабиев. При этом ученые обращают внимание, в частности, на то, что суффикс *-an-* в упомянутом названии (лат. *Luperci Fabiani*) обозначает не прямую принадлежность к роду (по рождению), а усыновление, переход в другой род или еще более отдаленную связь типа службы

⁷ Wiseman T. Op. cit. P. 11.

⁸ Ulf C. Das römische Lupercalienfest. Darmstadt, 1982. S. 44–51, 137; Rüpke J. Domi militiae. Stuttgart, 1990. S. 61–62; Mastrocinque A. Romolo (la fondazione di Roma tra storia e leggenda). Este, 1993. P. 143–145; Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2002. Т. 2. С. 105–106; Гончаров В.А. О природе древнейших жреческих сообществ Рима // Исторические записки. Воронеж, 2003. Вып. 9. С. 123–136.

военачальнику⁹. В качестве альтернативы при этом предлагается «функциональное» объяснение. В частности, А.В. Коптев предполагает, что изначально два подразделения сообщества луперков именовались не *Fabiani* и *Quintiliani*, а *Favii* и *Quinctilii*, то есть «быстрые, ловкие» и «медлительные, замешкавшиеся», и связывает подобные названия с ритуальным соревнованием двух групп возрастного характера¹⁰. Мы же добавим, что предполагаемая быстрота и ловкость «Фабиев» очень хорошо согласуется со всем, что мы сказали об их действиях в войне с вейянами.

Наконец, об «инициационно-воинском» характере рассматриваемого отряда, по нашему мнению, говорит и легенда о происхождении рода Фабиев, согласно которой его основоположником был не кто иной, как Геркулес (*Ovid. Fast. II.236–237; Sil. It. VI.627–636; Plut. Fab. Max. 1; Fest. P. 87M*) – герой, также демонстрирующий немало черт интересующего нас характера. Более того, Плутарх возводит название рассматриваемого рода к слову *Fodii*, которым у древних латинян обозначались охотники, ловившие зверей в ямы (*Fab. Max. 1*), а у Феста (87M) древнейшие Фабии именуются *Fovii* – от слова *fovea*, т.е. «волчья яма». И вновь – налицо связь с «внешним миром» и с образами диких хищников.

Таким образом, не исключено, что рассмотренный нами выше рассказ о гибели трехсот римских воинов изначально представлял собой предание о юношеском воинском сообществе инициационного характера и лишь в позднейшей письменной традиции был связан с родом Фабиев.

V.A. Goncharov

LEGENDARY AND HISTORICAL TRADITION ABOUT GENS OF FABII: A NEW APPROACH

Literary sources about the warfare between Etruscans and the Roman gens of Fabii in 477 BC show that both groups acted like initiatory groups of youths, which were characteristic for many primitive peoples. Thus, Fabii performed plundering raids into the Etruscan territory and acted very quickly and cunningly. Then, during their last battle at the Cremera river they demonstrated rage and frenzy resembling to those of German berserks. Moreover, this gens was closely connected with the feast of Lupercalia, which also demonstrates several initiatory elements. Therefore, gens of Fabii in the story analyzed may be interpreted as some kind of a “Männerbund”.

⁹ *Unger G.F. Die Lupercalia // RhM. 1881. Bd. 36. S. 54; Сморчков А.М. Коллегия луперков // Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 264.*

¹⁰ *Коптев А.В. От praepositus celerum к magister equitum: Целер, Брут и проблема наследования царской власти в архаическом Риме // Античность и Средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 56.*